

А

<Н. Н. Страхов>

Н. А. Добролюбовъ

по поводу перваго тома его сочиненій

"Время", No 3, 1862

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1862/MARCH/Dobrolub.htm>

Добролюбовъ умеръ. Могила, какъ говорили въ былое время, напоминаетъ о вѣчности; но въ сущности она напоминаетъ о вѣчности и теперь. Мысль невольно расширяется и углубляется, а слѣдовательно и дѣлается спокойнѣе. Частныя, случайныя, временныя обстоятельства теряютъ ту важность, которую они можетъ-быть имѣли для насъ; жизнь переходитъ въ исторію, человѣкъ становится законченнымъ фактомъ, требующимъ отъ насъ пониманія своего полного смысла.

Такъ мы желали бы говорить о Добролюбовѣ, хотя такой голосъ можетъ-быть не попадетъ въ тонъ другихъ голосовъ. Надъ могилою Добролюбова въ настоящее время происходятъ такія странныя вспышки страстей, какъ это рѣдко случается. Его поклонники и друзья до того страстны и скоры въ своихъ превознесеніяхъ, что невольно вызвали отпоръ, -- вызвали насмѣшки и глумленія, которыхъ безъ этого, безъ сомнѣнія, не заслужилъ бы покойникъ. Поэтому наше желаніе говорить о Добролюбовѣ спокойно и прямо, можетъ показаться страннымъ. Да и вообще во времена увлеченій разсужденія кажутся лишними и ненужными. Зачѣмъ разсуждать, когда достаточно чувствовать? Зачѣмъ цѣнить и взвѣшивать, когда нужна только симпатія? Да и что вы хотите дѣлать? скажутъ намъ. Вы хотите писать критику на сочиненія критика, хотите анализъ подвергать анализу, сажать мысль на мысль? К чему намъ эти тонкости и ухищренія? Мы хотимъ чего-нибудь болѣе простаго, прямѣе идущаго къ дѣлу.

По счастью мысль имѣетъ свои неотъемлемыя права. Какъ бы ни велика была сумятица мнѣній, какъ бы ни были сильны порывы увлеченій, никто не рѣшится идти противъ мысли до конца. Много людей слѣпыхъ и ослѣпленныхъ, но нѣтъ такихъ, которые бы сознательно проповѣдывали слѣпоту, которые находили бы, что лучшее средство не сбиться съ пути состоитъ въ томъ, чтобы закрыть глаза. Наконецъ истина непобѣдима. Кто разъ открылъ глаза и увидѣлъ ее, тотъ уже напрасно будетъ потомъ закрывать ихъ, чтобы непомнить того, что они видѣли.

Если же такъ, если мысль имѣетъ такую всемогущую и неизбѣжно-покоряющую силу, то вмѣсто того чтобы избѣгать ее, мы скорѣе должны на нее надѣяться. Если мы дорожимъ нашими чувствами, если даемъ имъ глубокое значеніе, то мы скорѣе должны быть увѣрены, что они не противорѣчатъ истинѣ, что истина рано или поздно оправдаетъ ихъ. Кто крѣпко вѣритъ сердцу, тотъ не можетъ малодушествовать и слѣдовательно долженъ вѣрить заранѣе, что умъ подтвердитъ его сердце. Мысль и чувство не отрицаютъ другъ друга, а напротивъ, взаимно и тѣсно связаны между собою. Только пустыя мысли безсердечны, только пустыя чувства безсмысленны.

Нельзя хорошо говорить о литературѣ, не питая любви къ литературѣ; а слѣдовательно наоборотъ, всякое вѣрное сужденіе о литературѣ свидѣтельствуется объ извѣстной симпатіи къ ней. Страхъ передъ истиною во всякомъ случаѣ есть чувство ложное.

Итакъ начнемъ же. Какъ скоро дѣло идетъ о литературномъ произведеніи или литературномъ дѣятелѣ, невольно припоминается общій взглядъ на нашу литературу, который давно уже утвердился и отъ котораго отказаться едва ли еще возможно. Этотъ взглядъ состоитъ въ томъ, что наша литература, какъ и всѣ другія стороны нашей жизни, представляетъ болѣе печальныхъ, чѣмъ отрадныхъ явленій. Извѣстно, что наша жизнь умственная, поэтическая и всякая другая есть бѣдная и жалкая жизнь. Наше развитіе совершается до сихъ поръ поразительно болѣзненно. Въ самомъ дѣлѣ, перебирая одно за другимъ всѣ его явленія, мы не можемъ не видѣть, что всѣ они какъ-будто поражены недугомъ, раскрываются слабо и уродливо. Всѣмъ знакомо замѣчаніе, что наши дѣятели обыкновенно рано умираютъ. Какъ сломано ихъ физическое здоровье, такъ же точно ихъ таланты бывають болѣзненно искажены. Величайшія дарованія часто неизбѣгають уродливости. Вообще же наши таланты быстро гаснутъ; наши умы часто блестящи и глубоки, но обыкновенно бесплодны.

Мы высоко цѣнимъ все прекрасное въ нашихъ дѣтеляхъ. Намъ соблазняютъ иногда радостныя мечты. Въ смутныхъ явленіяхъ мы любимъ замѣчать признаки богатырской силы. Намъ иногда ясно слышится неслыханная свѣжесть и мощь русской души. Но такъ смотримъ только мы, русскіе; да